

В ГОСТЯХ И ДОМА

В ГОСТЯХ ХОРОШО, а дома лучше.

Совсем недавно прилетели мы домой после долгих зарубежных гастролей. И, встречая Новый год на Родине, о которой так стосковались, мы особенно радуемся возвращению.

Сияет снег, аромат свежей хвои, ясность зимнего воздуха окутывают тебя светом и благоуханием новогодних даей. Хорошо!

Хорошо не так, как в рождественской сказке, а гораздо лучше: как в жизни. Хорошо даже, когда бывает трудно и сложно, ибо преодоление — радость. Вспомним Маркса. На вопрос дочерей: «Ваше представление о счастье?» он ответил: «Борьба».

Борьба шла и в дни гастролей — борьба за доказательство прогрессивности, правоты реалистических принципов советского искусства, его права активно служить миру, свободе, счастью всего человечества.

Отраднo было наблюдать, как даже в самые острые моменты кубинских событий люди, приходившие на спектакли балета Большого театра — рядовые американцы, принимали наши представления с неизменной благожелательностью. Советский гуманизм, нашедший свое преломление и утвердившийся в таком условном искусстве, как балет, доходил до каждого объективного человека. И каждый усваивал, пусть даже подсознательно, что народ, создавший такие тонкие духовные сокровища, безусловно, заинтересован в их сохранении и приумножении, а следовательно, заинтересован в мире.

Подобно тому, как приезжающие из других стран в Советский Союз любые честные люди, видя размах строительства, говорят: не может быть, чтобы здесь стремились к разрушениям, к войне, — так очень многие из тех, кто соприкасается с проявлениями нашего творчества, понимают: душа этого народа так же богата, широка и прекрасна, как его жизнь.

Вот почему нам казалось, что если советскому искусству удастся внести хоть скромную лепту в дело мира — это лучшее доказательство того, что оно достойно представлять свою Родину.

И когда, например, президент Соединенных Штатов Америки Джон Кеннеди со своей супругой появляется на спектакле «большого балета», потом радушно встречает нас в Белом доме, то мы же отлично понимаем: здесь первая заслуга великой страны Советской, а уж где-то далеко потом — «полпредов» ее искусства...

ПОМИМО таких дружественных и симптоматичных встреч с государственными деятелями Америки было, как обычно, много эстетических (и антиэстетических) впечатлений, безынтeрeсных наблюдений, невольного знакомства со странностями для советского человека особенностями американского образа жизни...

Нас удивило, например, что дом и поместье Джека Лондона расположены на земле, являющейся частной собственностью его наследников, которым глубоко безразлична память великого писателя. По нашим представлениям, его имя — достояние всего человечества, гордость американского народа, и все, что с ним связано, должно охраняться постоянно и благоговейно. А сейчас там, в Лунной долине, существует лишь клочок земли с маленьким домом, где очень бедно представлены жизнь и творчество автора «Мартина Идена». И только глядя из окна этого дома на красоту величественной природы, можно себе представить живого Лондона на достойном его фоне.

По нашим представлениям, имя и дело художника должны быть окружены вниманием всего общества. Писатель пользуется у нас не только всеобщим уважением, но и прямой и щедрой поддержкой государства, а там я сама видела, как трудно живет один из талантливых литераторов Америки — Альберт Кан.

Получилось так, что к приезду нашего балета в Нью-Йорк там вышла его большая книга, а подготовленную им фотовыставку открыл Роберт Даулинг. Так как оба «мероприятия» оказались посвященными мне, я была потом гостьей в милой, знакомой мне по прошлому пребыванию в США семье Кана. Его симпатичная, приветливая жена занимается скульптурой и ведет весь дом. Последнее, очевидно, необыкновенно трудно. Некогда очень удобный и ухоженный дом их возле Сан-Франциско в запустении: на его содержание, вероятно, надо

Галина УЛАНОВА

много денег, а их нет. В домашнем хозяйстве вряд ли сводятся концы с концами. Жизнь дорога, и эти люди, которым бы, по нашим понятиям, следовало думать только о творчестве, бьются в условиях неуважительного отношения к труду тех, кто пишет, и к тому же, подобно Кану, является другом СССР...

Лишний раз мне напомнила жизнь, как порой все мы избалованы бесчисленными щедротами народа... Избавленные от мыслей о хлебе насущном, мы иногда так мало ценим возможность свободно жить и творить, не думая о «прозе жизни». И вместо того, чтобы создавать духовные ценности во имя воспитания народа и его радости, мы порою, забывая о главном, обращаемся к чему-то второстепенному.

Я ЧАСТО БЫВАЛА в этот приезд в американских музеях. Художественных музеев в Америке много — больших и малых, великолепных собраний древностей, скульптуры, живописи в государственных галереях и частных коллекциях. Последние иногда приносятся в дар родному городу. Но при этом картины выставляются все разом, без всякой системы, — совсем не так, как в наших, научно обоснованных экспозициях. Там соседом произведения средневековья или Возрождения вдруг оказывается образец нового искусства: мадонна, а почти рядом можно увидеть «откровения» абстракционистов.

Видя, что на Западе почти совершенно нет произведений нашего классического изобразительного искусства, я подумала: почему мы не устраиваем частых и разнообразных выставок картин, составляющих славу и честь реалистического творчества русского народа?.. И раз уж я пишу новогоднюю статью, мне хочется помянуть о таких «передвижных выставках», которые совершат (и, может быть, не одно) кругосветное путешествие, показав и без слов объяснив всем, почему мы так привержены к традициям реализма, почему нам так важно в искусстве его содержание.

Вспоминается мне сейчас одна частная галерея в Вашингтоне. Два маленьких особняка. Во втором этаже собраны первоклассные мастера старого голландского, английского, французского искусства. В частности, есть там единственный в своем роде портрет Паганини кисти Делакруа. Необыкновенно красивая, умная, психологически тонкая вещь. А на первом этаже, отведенном новому искусству, экспонировались такие работы: одна называлась «Красное». Огромный холст, замазанный красной краской, помещен в отдельной комнате. Полумрак. Красная подсветка полотна. Следующая комната: «Зеленое». Потом апартамент для «Синего»...

Несмотря на то, что всему этому придается (якобы) особая значительность, я не заметила, чтобы описанные «произведения» привлекали большое внимание зрителей, вызывали у них настоящий интерес. Здесь было всего 3—4 молодых человека, — по-видимому, студенты, — которые, уныло глядя на «Красное», «Зеленое», «Синее», пытались что-то записывать в своих тетрадках. Наверно, близился экзамен по курсу нового искусства... А что они могли бы сказать о нем, какие мысли могли у них возникнуть от этого созерцания?..

Теперь, дома, познакомившись с последними партийными документами об искусстве, я невольно вспомнила об этих студентах в тамошних «абстрактных комнатах». Вспомнила потому, что, как мне кажется, наши доморожденные, «собственные» аб-

стракционисты — подражатели чужой и уже устаревшей моде — не могут всерьез рассчитывать на интерес людей с нормальным, здоровым вкусом и в лучшем случае «сорвут» успех дешевой сенсации.

Хочется верить, что мода эта быстро пройдет: в нашем жизнеутверждающем искусстве не могут, не должны развиваться подражательство, бессодержательность, духовная нищета.

ВСЕ ЗНАЮТ, что новое, большое искусство вырастает не на голом месте, а на благодатной почве лучших достижений прошлого. Бетховен «вырос» из Моцарта и Гайдна, Боттичелли — из Филиппо Липпи, Поллайuolo, Фоккин — из творчества его учителя в русском балете. Именно выросли: в развитии художника истинного и великого всегда наступает такой момент, когда ему становится тесно в рамках творчества своих предшественников — тогда он говорит новое слово в искусстве. И тем прославляет свое имя и, что гораздо важнее, само искусство, ибо развивает его. Вот так представляю я себе передачу традиций, их жизненность.

Реалистические традиции русской хореографии общезвестны. Здесь надо лишь снова подчеркнуть, что балет — самое условное из искусств и, по моему, самое романтическое и возвышенное.

В последнее время в балете появилось немало новых работ. Они выполнены с разной степенью удачи, разными балетмейстерами, каждый из которых обладает своим видением хореографических образов, своим творческим почерком.

Практика искусства преодолевает его единообразие, и это очень хорошо. Мы радуемся тому, что в балете выросла одаренная молодежь. Ей надо дать право, которое совпадает с ее прямыми обязанностями, — ставить значительно больше спектаклей, чем до сих пор. Пусть форма их будет различна. Пусть и впредь они всегда будут содержательны, реалистичны, интересны.

Опыт последних лет показывает, что у нас накопились силы и появились возможности создать новый театр. Театр балета. Он имеет бесспорное право на существование в стране, обладающей лучшим балетом мира. Я мечтаю о театре исканий, экспериментов, проб. Театре, где должен родиться **современный** спектакль. Театре, где утвердятся все лучшие образцы классики. Сцене, где преемственность реалистических традиций и их развитие станут законом творчества. Коллективе, способном объединить и старшее, и юное поколение балета вокруг его важнейших и одинаково всеми понятых задач.

Такой театр может решить насущные проблемы расширения репертуара, предоставления более частых выступлений актерам, то есть он сможет обеспечить настоящий профессиональный рост исполнительской молодежи.

Наряду с этим такой театр мог бы стать базой обмена опытом всех лучших отечественных и зарубежных балетных коллективов. Он стимулировал бы творческое соревнование балетных трупп, их взаимопомощь, споры спектаклями, обмен хореографами и исполнителями.

Мне кажется, что именно сейчас настало время решить все эти проблемы, построить такой новый театр. Балету тесно в прежних рамках.

Искусству, а значит и балету, необходимо нужна чистая и ясная атмосфера труда, поисков, творческих находок. И я мечтаю, чтобы в новом году такая атмосфера утвердилась...

О многом мечтается под Новый год. Что сбудется? Как всякий советский человек, в мечте я вижу реальность.